

**Министерство образования Московской области
Государственное образовательное учреждение
высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет
Институт экономики, управления и права**

Н.Д. Постников

**1-Я АРМИЯ РЕННЕНКАМПФА:
БИТВА ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ**

Монография

3-е издание, исправленное и дополненное

**Москва
2018**

УДК 355.4
ББК 63.3(2)524
П63

*Печатается по решению Ученого совета
Института экономики, управления и права МГОУ*

Рецензенты:

В.Л. Телицын – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный специалист Института всеобщей истории Российской академии наук;

В.В. Хорихин – кандидат исторических наук,
доцент Московского государственного областного университета

Постников, Н.Д.

П63 1-я армия Ренненкампа: битва за Восточную Пруссию : монография / Н.Д. Постников. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – 178 с.

ISBN 978-5-7017-2917-7.

Книга посвящена одному из самых драматичных событий Первой мировой войны – походу в августе 1914 года 1-й русской армии в Восточную Пруссию. На основе архивных документов, многие из которых впервые введены в научный оборот, а также на основе воспоминаний и фронтовых писем в книге рассказывается о судьбах русских и немецких офицеров, участвовавших в сражении за Восточную Пруссию, об их противостоянии на поле боя, об их жизни и смерти. Используемый в книге принцип личностного погружения в историю, позволяет читателю почувствовать себя соучастником тех далёких событий, осознать весь ужас и трагизм войны; кошмар, который переживают люди, вырванные из своих привычных условий и брошенные в жернова мировой бойни. При этом монография является полноценным историческим исследованием. В книге анализируются действия армейского и фронтового начальства, стратегия и тактика русского и немецкого командования. Издание снабжено фотографиями и картами.

Книга рассчитана на специалистов и всех интересующихся историей Первой мировой войны.

УДК 355.4
ББК 63.3(2)524

Все материалы публикуются в авторской редакции.
За содержание материалов ответственность несёт автор.

ISBN 978-5-7017-2917-7

© Н.Д. Постников, 2012

© Н.Д. Постников, с изменениями, 2013

© Оформление. ИИУ МГОУ, 2018

ОТ АВТОРА

События Первой мировой войны – это история не только о масштабных битвах и безликих движениях войск, не только о решениях, принятых полководцами и политиками, но и глубоко человеческая история. История, наполненная смыслом благодаря жизни и поступкам, утратам и смертям людей, действовавшей в ней; оставшихся в живых и погибших, мокших в окопах, залитых дождём, и презрев страх, шедших в атаку; терявших своих боевых товарищей и в изнеможении из последних сил отступавших, но не сдавшихся, и о многом, многом другом, о всём том, что называется одним ёмким и страшным словом «война». Это история о том, как эти мужественные люди смогли выдержать все духовные и физические испытания, которым подвергла их война, что для нас навсегда останется непостижимым. И всё, что нам нужно сделать сегодня, – это не пройти мимо этой истории и людей, которые творили её. Узнать и почувствовать связь человеческих судеб как переплетения нитей, из которых оказалась соткана ткань войны, жизни и смерти. Соткана часто помимо воли людей, воевавших плечом к плечу или оказавшихся по разные стороны линии фронта.

Пришло время с гордостью и честью вспомнить о русских воинах Первой мировой войны. И отдать должное этим людям, верным воинскому долгу и воинской присяге, солдатам своей Родины, вырвав их имена из забвения, накрепко и навсегда связав прошлое и настоящее.

1-Я АРМИЯ РЕННЕНКАМПФА: БИТВА ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

ГЛАВА 1

Войны не бывает без героев и выживших,
без простых солдат и погибших.

Посвящается моему прадеду
Постникову Д.Н., участнику событий.

Это рассказ о начале великой и невиданной для европейцев, живших в начале XX века, войне. Войне, которая стала гранью раздела человеческой истории на «до» и «после», войне, которая изменила мир, разрушила могущественные империи, перекроила карту мира, создала новые европейские государства. Войне, которая возвысила победителей и унизила побеждённых, безвозвратно изменив судьбы миллионов людей, превратив их в жертвы. О солдатах, павших на полях сражений, о женщинах, потерявших своих близких, о детях, ставших сиротами, о раненых и искалеченных, о беженцах, покинувших свои дома, и о тех, кому посчастливилось выжить.

Это рассказ о Первой мировой войне, о её начале, об августовском сражении 1-й армии П.К. фон Ренненкампа за Восточную Пруссию, написанный на основе воспоминаний, дневников, архивных документов, писем участников войны. Благодаря чему мы можем услышать их далёкие голоса, как если бы события, изменявшие ход истории, происходили вокруг нас. Уловить запах войны, распространявшийся повсюду, осязать войну как ужасающую действительность, взглянуть на то время пугающе близко и задать себе вопрос: «Случись это с нами, что бы мы чувствовали?»

«Передние немецкие линии были уже шагах в 700-х и ближе...

Некоторые наши роты стреляли уже с постоянным прицелом. Казалось, бой дошёл до своего высшего напряжения!... Сердце дрожало: кто устоит? А ум подсказывал, кто первый начнёт отступать – тот погиб!...»¹.

«Везде я находил спящие русские полки; все спали сном убитых. Я тысячу раз за ночь наводил свой электрический фонарик на спящих, казалось, непробудным сном. И понял, что нервное напряжение этих

храбрых людей было столь сильным в горячем бою, что глубокий сон был единственным спасением от усталости»².

«В полной темноте, без дорог, по лесным просёлкам, пользуясь лишь указанием компаса, т[ак] к[ак] карт этого района под руками не имелось, не получая в течение уже 2-х дней горячей пищи, колонна с невероятными затруднениями, продолжала свой путь»³.

Это история о 1-й армии Ренненкампа и её походе в Восточную Пруссию.

К 1 августа, когда разразилась война, Россия ещё не успела полностью завершить мобилизацию своей армии, а германский Генеральный штаб уже начал реализовывать план Мольтке-Шлиффена, целью которого был разгром в течение девяти недель Франции, чтобы потом, перебросив войска на восток, нанести поражение России⁴. Уверовав в блицкриг плана Мольтке-Шлиффена, кайзер Вильгельм II самоуверенно заявил, видимо считая, что его слова станут эпохальными: «Обед у нас будет в Париже, а ужин в Санкт-Петербурге». Думал ли Вильгельм II, произнося эти слова о жизни миллионов и миллионов людей, которым предстояло погибнуть в этой ужасной войне? И которые были ещё живы в тот августовский день.

Россия же смогла, не отобилизовав до конца свою армию, начать в августе 1914 года массированное наступление в Восточной Пруссии. План Мольтке-Шлиффена оказался не выполнимым и провалился. Война приняла затяжной характер, что, в конце концов, и привело к поражению Германии. Но в начале августа 1914 года до этого было ещё далеко, это было за горизонтом происходящих событий, и вряд ли кто-то тогда всерьёз думал, что война продлится бесконечных четыре года.

Объявленная мобилизация застала многие воинские части, расквартированные в прибалтийских губерниях и в Литве, в летних лагерях. По приказу командующего Виленским военным округом генерала П.К. Ренненкампа все войска возвращались к месту своего постоянного дислоцирования.

Военный лагерь 106-го пехотного Уфимского полка недалеко от города Подбродзье⁵, Виленская губерния. 12/25-13/26 июля⁶ 1914 года.

106-й Уфимский полк 27-й пехотной дивизии⁷ находился в летних лагерях в Виленской губернии недалеко от города Подбродзье, занимаясь рутинной военной подготовкой. В этом полку командиром 16-й роты служил капитан А.А. Успенский. Он оставил воспоминания, написанные уже после войны⁸.

В пять часов утра 13/26 июля 1914 года А.А. Успенский проснулся от громкого стука в дверь своей комнаты и услышал встревоженный голос

вестового, кричавшего: «Ваше Высокоблагородие! Вставайте! Тревога!»⁹. Так для капитана А.А. Успенского началась война. Полк по тревоге выступил в Вильно, куда прибыл утром 14/27 июля.

17/30 июля был объявлен приказ о мобилизации:

«Приказ
По штабу Виленского Военного округа
гор[од] Вильна.
17 июля 1914 г[ода].

ВЫСОЧАЙШИМ повелением, состоявшимся 17-го июля, объявлена мобилизация частей войск и управлений Виленского военного округа и первым днём назначено 18-е июля»¹⁰.

По завершении мобилизационных мероприятий, 106-й пехотный Уфимский полк выдвигался на фронт. На построении полка по этому случаю с речью выступил его командир полковник К.П. Отрыганьев. Был отслужен молебен. Торжественность момента усиливалась исполнением полковым оркестром национального гимна «Боже царя храни!». Потом вновь грянула музыка¹¹, и полк двинулся по улицам Вильно на вокзал.

Так капитан А.А. Успенский начал свой путь на войну. В Вильно у него оставались жена и трое детей. Трясаясь в вагоне военного эшелона, уносившего его всё дальше от Вильно, от семьи, он вспоминал последние мгновенья прощания: «Жена благословила меня и повесила на шею образок Остробрамской Божией Матери, зашитый в ладанке. <...>Помню слезы её и моих трёх детей: 2 сыновей – кадеты Полоцкого корпуса <...>и дочери – гимназистки 5-го класса Виленской Мариинской гимназии. Как тяжело было с ними расставаться! В последний раз я благословил их, поцеловал жену и дочь, вскочил на коня и догнал роту. Мальчики мои провожали меня до самого вокзала, идя рядом со мной и с ротой»¹².

Эти трогательные и, одновременно, печальные слова прощания А.А. Успенского со своей семьёй, с Вильно, где прошла почти вся его жизнь, «детство, юность и мужество»¹³, и со всем мирным прошлым докатились до нас, как тихий отзвук тех тревожных дней, как отдалённое эхо июля 1914 года. И в этих словах улавливается и смутная тревога, и страх перед грядущей неизвестностью, и более всего предчувствие того, какое неизбывное, невысказанное, безграничное горе несла с собой надвигающаяся война. Горе разлуки, страданий и утрат, горе, от которого невозможно было скрыться, которого невозможно было избежать. И в этом слове «горе», которое так и не было произнесено А.А. Успенским, но незримо присутствовало в его мыслях, наверное, и выразился весь истинный и окончательный смысл и приговор войны для абсолютного большинства тех людей, которые провожали Уфимский полк, как и для

многих, многих других людей, расстававшихся со своими близким по всей бескрайней России. Для людей, которым совсем скоро предстояло узнать все ужасы войны. И все эти мысли и чувства, как не хотелось им не верить, уже подспудно проникли в сознание и души и тех, кто уходил на войну, и тех, кто оставался ждать их дома.

И понимание всего этого тогда было самым неотвратимым и страшным для этих людей. Возможно, да и, скорее всего, именно поэтому, с таким сочувствием и внутренним трепетом мы вчитываемся в слова А.А. Успенского и вместе с ним переживаем мгновенья расставания в тот уже совсем далёкий, скрывшийся за пеленой времени, по летнему тёплый июльский день 1914 года.

25 июля/7 августа Уфимский полк прибыл на железнодорожную станцию Симно¹⁴ недалеко от российско-германской границы. Здесь было место сосредоточения 27-й пехотной дивизии.

Летние лагеря в 4-х километрах от Двинска¹⁵. Берег реки Западная Двина¹⁶. Витебская губерния. Штаб 25-й пехотной дивизии¹⁷. 23 часа 00 минут. 17/30 июля 1914 года.

17 июля в 11 часов вечера из штаба 25-й пехотной дивизии был получен приказ о мобилизации¹⁸. 98-й пехотный Юрьевский полк, как и другие части дивизии, приступил к комплектованию по расписанию военного времени. В полку командиром 1-го батальона служил подполковник Д.Н. Постников. В мае 1914 года ему было присвоено звание подполковника¹⁹, и перед самой войной он вступил в должность командира батальона. Подполковник Д.Н. Постников был кадровым военным, он начал службу в 19 лет в 103-м пехотном Петрозаводском полку. В 1907 году в чине капитана был переведён в 98-й пехотный Юрьевский полк. В России у него оставались жена и четверо детей²⁰.

По приказу полку предписывалось осуществить боевую готовность на 8-й день мобилизации. Все мобилизационные мероприятия были проведены согласно предписанию, и 25 июля/7 августа полк пятью эшелонами²¹ был отправлен на железнодорожную станцию Олита²² к месту своей дислокации, куда и прибыл в течение 26-27 июля/8-9 августа²³.

Это был уже прифронтовой город. Везде чувствовалось дыхание войны.

По-боевому расписанию III-й корпус (командующий корпуса генерал от инфантерии Н.А. Епанчин) 1-й армии, куда входили 25-я (начальник дивизии генерал-лейтенант П.И. Булгаков) и 27-я (начальник дивизии генерал-лейтенант А.-К.-М. М. Адарида) пехотные дивизии сосредотачивался в районе города Вержболово²⁴ – деревни Бержины – деревни Шаки²⁵.

После разгрузки на железнодорожной станции Олита 98-й пехотный Юрьевский полк занял боевые позиции в 20-30 верстах от города²⁶.

тёмный августовский вечер, на фоне застилающего западную часть неба зарева от пожаров немецких селений (немцы, отступая, сами часто поджигали свои дома) капитан Д.Т. Трипецкий написал письмо своей жене. Он попросил приписать А.А. Успенского в конце письма несколько слов приветия. «“Это будет ей приятно”, – говорил он. Я написал»¹⁶³. Волнение охватило капитана Д.Т. Трипецкого перед предстоящим боем, он вдруг сказал своему другу, что «немцы победят, <...>а меня убьют»¹⁶⁴, на следующий день он пал в сражении. И написанное перед боем письмо его жена получила, когда уже знала о смерти мужа¹⁶⁵.

6/19 августа 1914 года. Деревня Садвейчен¹⁶⁶. Расположение 33-го эрзац-батальона.

6/19 августа на окраине леса, в нескольких километрах восточнее Гумбиннена, недалеко от деревни Садвейчен батальон фон Бессера впервые вступил в боевое соприкосновение с русскими войсками. Немцы, пытаясь обезопасить себя от возможной неожиданной атаки со стороны леса, направили к нему сторожевое охранение в составе 1200 человек¹⁶⁷. Немецкий отряд спокойно миновал поле и уже входил в лес, когда раздались выстрелы, сторожевое охранение наткнулось на передовые русские части. Это был 97-й Лифляндский полк, сосед 98-го Юрьевского полка. Немцы были вынуждены отступить, потеряв трёх человек ранеными¹⁶⁸. Завязавшаяся перестрелка и артиллерийская дуэль с русскими войсками длились весь день, то затихая, то нарастая вновь. Наступившая ночь не принесла успокоения капитану фон Бессеру. «Бой продолжался и ночью»¹⁶⁹ – читаем в его дневнике. – «Спал под открытым небом, холодно»¹⁷⁰.

На следующий день всем им, русским и немцам, предстояло участвовать в одной из важнейших битв Первой мировой войны. В битве, изменившей её ход, похоронившей надежды Германии на блицкриг, предстояло идти в бой и противостоять друг другу, стрелять во врагов и убивать их.

На следующий день было Гумбинненское сражение.

7/20 августа 1914 года. Гумбинненское сражение¹⁷¹.

Битва развернулась рано утром. Части III-го армейского корпуса русской армии оказались в центре кровопролитного сражения, и их действия во многом предопределили поражение германских войск. Так как один из главных ударов командование 8-й немецкой армии нанесло по частям именно III-го армейского корпуса, которые смогли не только выдержать этот удар, но и, в конце концов, обратили немецкие войска в бегство.

7/20 августа 1914 года. Деревня Колпакин. 5 часов утра. Расположение 98-го пехотного Юрьевского полка.

Гумбинненское сражение для Юрьевского полка началось с рассветом. В 5 часов утра полк предпринял наступление на деревни Сциргупенен¹⁷² и Вердельн, и к полседьмого утра войдя в них, окопался, заняв позицию между железной дорогой и деревней Вердельн. О чём и сообщил в 10 часов 50 минут запиской командиру 99-го Островского полка полковник В.А. Желтышев: «Все эти деревни (Шциргупенен¹⁷³ и Верделен¹⁷⁴) я занял ещё с 6 ½ утра»¹⁷⁵. 1-й батальон подполковника Д.Н. Постникова занял высоты западнее Сциргупенен. В 9 часов утра немцы начали артиллерийский обстрел укрепленных позиций полка, но, несмотря на потери, полк продолжал «стойко держаться в своих окопах»¹⁷⁶.

7/20 августа 1914 года деревня Матишкемен¹⁷⁷. Ранее утро. Расположение 106-го пехотного Уфимского полка.

Уфимский полк был поднят ещё перед рассветом и получил приказ двигаться по направлению к деревне Матишкемен, находившейся в непосредственной близости и левее позиций соседней 25-й пехотной дивизии и 98-го Юрьевского полка.

В 7 часов утра на подходе к деревне Матишкемен полк столкнулся с частями XVII-го германского корпуса генерала А. Макензена и вступил с ними в бой. Для командира 16-й роты Уфимского полка капитана А.А. Успенского и его однополчан началось Гумбинненское сражение.

Русские и немецкие цепи, поддерживаемые артиллерией, устремились на встречу друг другу. Достигнув рубежа между деревнями Матишкемен и Варшлеген, уфимцы заняли позицию, окопались и начали вести смертельный огонь по наступающему противнику. Немецкие цепи залегли и теперь продвигались вперёд мелкими перебежками, но и такая тактика не спасала их от прицельного и шквального пулемётного и ружейного огня. По словам А.А. Успенского, «наш ружейный и пулемётный огонь косил их (немецкие –Н.П.) поднимавшиеся для перебежки цепи и группы»¹⁷⁸. Бой разворачивался на фоне всё усиливающейся артиллерийской дуэли. Земля гудела от разрывов снарядов, воздух со свистом рассекали осколки. Именно в первые часы развернувшегося со всей ожесточённостью Гумбинненского сражения от брызганного снаряда, разорвавшегося прямо у него на груди, погиб капитан Д.Т. Трипецкий, друг А.А. Успенского, с которым накануне он разговаривал о предстоящем бое. Другой офицер Уфимского полка командир 1-й роты, капитан Д. П. Епикаццо был также убит в эти ранние часы. «Большой осколок шрапнели вонзился ему между глаз, тоже – мгновенная смерть! Вечная им обоим память!»¹⁷⁹.

7/20 августа 1914 года. Раннее утро. Расположение 1-й отдельной кавалерийской бригады.

В предрассветной мгле нарождающегося нового дня с тяжёлым сердцем покидал В. Андреев сводный корпус хана Г. Нахичеванского. Он никак не мог понять, как мог хан в день предстоящего сражения отказать в помощи его бригаде. В голове корнета всё крутился вчерашний ответ хана на просьбу о помощи, и звучали слова: «Доложите генералу Орановскому, что я не смогу завтра оказать ему поддержки, так как мои люди и кони устали, нуждаются в отдыхе, а в батареях нет снарядов, а ведь сила моих батарей зависит от огнестрельных припасов»¹⁸⁰.

Проезжая ранним утром верхом на лошади по расположению корпуса В. Андреев видел «много эскадронов хорошо выспавшихся людей и бодрых коней. Да, вчера вечером эти люди устали», – размышлял он. – «Но крепкий сон их снова сделал бодрыми»¹⁸¹, а встреченные артиллеристы говорили ему, «что снаряды ещё имеются и ожидаются новые»¹⁸².

С такими невесёлыми думами возвращался В. Андреев с пятью драгунами в расположение своей бригады по дороге, петлявшей среди небольших перелесков и низин, среди полей и холмов, шедшей вдоль опушки ещё спящего в утренних сумерках лиственного леса. Вдруг тишину нарушили залпы артиллерийских орудий и разрывы снарядов, быстро превратившиеся во всё нарастающий гул боя, боя который вернул корнета к действительности.

Пришпорив лошадей, В. Андреев с драгунами ринулся вперёд и, выскочив из-за поворота дороги, оказался на холме. Перед его взором «сравнительно недалеко, внизу, верстах в трёх»¹⁸³ открылась картина разворачивающегося Гумбинненского сражения.

«В лучах восходящего солнца»¹⁸⁴ немцы обрушили мощный артиллерийский огонь на позиции 1-й кавалерийской бригады, и пошли в атаку плотными цепями. Бригада генерала Н.А. Орановского, не имея артиллерии, могла ответить только пулемётным и ружейным огнём, от которого, по словам В. Андреева, германские «густые цепи несли большие потери»¹⁸⁵, что «стоило немцам немалой крови»¹⁸⁶. Но без артиллерийской поддержки бригада не могла долго противостоять наступающим немцам.

Как пожалел В. Андреев в тот момент, что на этом холме нет с ним корпуса хана Г. Нахичеванского, который «бездействует потому только, – с плохо скрываемым раздражением и даже презрением через много лет написал в своих воспоминаниях В. Андреев, – что её вожди лишились энергии и устали»¹⁸⁷. «Если бы генерал Гурко¹⁸⁸ был (в день Гумбинненского сражения – *Н.П.*) <...>начальником армейской конницы вместо Хана Нахичеванского, – с досадой отметил В. Андреев, – то он нашёл бы силы души решиться на непреклонные действия (против – *Н.П.*) <...>противника»¹⁸⁹. Тем более что холм, на котором остановился В.

Андреев с драгунами, «висел на фланге врага. Одна батарея на моём месте потрясла бы его фланг»¹⁹⁰.

Артиллерийский огонь противника тем временем разносил в клочья оборону бригады. Она несла большие потери, и, хотя спешенные кавалеристы продолжали мужественно отражать фронтальную атаку, немцы, воспользовавшись отсутствием артиллерии у противника и боевого соприкосновения бригады на протяжении десяти вёрст с соседней дивизией¹⁹¹, устремились в образовавшуюся брешь, угрожая охватить бригаду с фланга. На другом фланге немцы также стали теснить кавалеристов, возникла реальная угроза окружения. Именно тогда, по словам В. Андреева, стали ясны и «вся обреченность героической борьбы моей бригады»¹⁹², и воинское преступление совершённое ханом Г. Нахичеванским, отказавшимся оказать помощь бригаде генерала Н.А. Орановского, и личная ответственность хана за смерть многих и многих людей в этом бою.

Понимая, что в это мгновение ожесточённого боя, который вела бригада Н.А. Орановского, от его сообщения зависит очень многое, корнет прищпорил коня и во весь опор поскакал в расположение бригады. В. Андреев заметил генерала ещё издали, и, дождавшись, когда он освободился, направился к нему. Увидев В. Андреева «генерал Орановский спросил, где Хан Нахичеванский и окажет ли нам поддержку, и на мой неутешительный ответ, жестом крайнего удивления выразил безнадежность положения»¹⁹³.

7/20 августа 1914 года. Позиция у деревень Сциргуненен и Вердельн. Около 10 часов утра. Расположение 98-го пехотного Юрьевского полка.

Около 10 часов утра немцы предприняли атаку на линию обороны Юрьевского полка, бросив на его позиции части 35-й пехотной дивизии XVII-го армейского корпуса. 1-й батальон подполковника Д.Н. Постникова, занимавший главенствующие высоты, и его сосед 2-й батальон подполковника Я.И. Энгельмана¹⁹⁴ встретили наступающие немецкие цепи пулемётным и ружейным огнём¹⁹⁵. Несмотря на значительные потери, немцы продолжали атаковать, но оба батальона Юрьевского полка держались стойко, не отступая ни на шаг. Немецкие цепи замялись и залегли. Однако к 11 часам утра оперативная обстановка стала меняться в пользу противника. Находившийся левее 100-й пехотный Островский полк, не выдержав натиска немцев, начал отступать, чем поставил под удар один из флангов Юрьевского полка. Стремясь не допустить этого, командир полка полковник В.А. Желтышев направил командиру 99-го пехотного Ивангородского полка записку с просьбой о помощи.

«Командиру 99 полка.

1914. 7 августа 10 час[ов] 50 мин[ут] у[тра].

№59

Из Щигрюпенена¹⁹⁶

<...>Левее меня Островцы отходят. Если возможно двигайтесь вперёд и поддержите меня.

Полковник Желтышев»¹⁹⁷.

Но было уже поздно Ивангородский полк также начал отходить. «В часов в 10 ½ утра было замечено, что боевые части 99-го и 100-го полков отходят назад и обнажают нам левый фланг в направлении от Вердельна к югу»¹⁹⁸. 1-й и 2-й батальоны Юрьевского полка продолжали удерживать свои позиции. Но боясь обхвата с флангов после оставления своих позиций Ивангородским и Островским полками, командир полка полковник В.А. Желтышев «около 11 часов утра попросил разрешения командира 1-й бригады¹⁹⁹ – осадить весь боевой прыдок несколько назад»²⁰⁰. Получив разрешение на отступление около 11 часов 30 минут²⁰¹, роты 1-го и 2-го батальонов поочередно под прикрытием огня 3-й батареи без паники оставили занимаемые деревни Сциргупенен и Вердельн «и остановились в ¼ версты к востоку от ранее занимаемых позиций»²⁰².

Именно в этот момент, стремясь развить успех, командующий I-го германского корпуса генерал Г. фон Франсуа приказал командиру резервной дивизии²⁰³ генерал-лейтенанту Ф. Бродрюку атаковать и смять отступающие части 25-й пехотной дивизии²⁰⁴. В 11 часов 30 минут командир 33-го эрзац-батальона капитан фон Бессер получил приказ о наступлении²⁰⁵.

7/20 августа 1914 года. Западнее деревни Садвейчен. 11 часов 30 минут утра. Расположение 33-го эрзац-батальона.

Получив приказ об атаке, капитан фон Бессер построил в колонну свой 33-й эрзац-батальон и вместе с другими частями 2-го резервного полка начал движение на Сталлупенен. Это был безрассудный шаг немецкого командования, так как оно посчитало, что русские опрокинуты, и все части 25-й пехотной дивизии отступают в полном беспорядке и «большими массами»²⁰⁶. Но это было совершенно не так. Благодаря чётким и своевременным действиям своих командиров, отошедшие на четверть версты назад два батальона Юрьевского полка, не потеряли управления, не поддались панике и были полны решимости остановить разящим пулемётным и ружейным огнём колонны наступающего врага.

О чём думали в тот момент, глядя на наступающие колонны немцев, солдаты и офицеры 1-го и 2-го батальонов Юрьевского полка, лёжа в открытом поле и не успевшие как следует окопаться? О надвигающейся смерти? О своих близких? О том, что ещё не прожита целая жизнь? Нам

неизвестно, и мы уже никогда не узнаем об этом. Но точно известно, что эти русские солдаты и офицеры не испугались смертельной опасности и были готовы до конца выполнить свой долг.

Части Ивангородского и Островского полков также закреплялись на новых позициях.

Севернее позиций Юрьевского полка 97-й пехотный Лифляндский полк, несмотря на атаки частей резервной дивизии Ф. Бродрюка, сумел удержать свои позиции. Южнее Ивангородского и Островского полков 27-я пехотная дивизия также устояла под натиском противника. Незначительное отступление трёх полков 25-й пехотной дивизии, в полосе Юрьевского полка всего на 250-260 м (четверть версты), создало неглубокую выемку в обороне дивизии, туда и устремились немецкие колонны, оказавшись в «мешке». Среди наступавших на русские позиции колонн, маршировал и 33-й эрзац-батальон капитана фон Бессера. Они шли открыто и самоуверенно, неся развевающийся над головами германский флаг²⁰⁷. Это было безумием. Идущие в плотном строю немецкие «супермены» ещё не осознали, что многие из них обречены на гибель, и что не всем им суждено увидеть вечернюю зорю.

В своём письме к Агнес, написанным на следующий день после Гумбинненского сражения, в брошенном бежавшими хозяевами деревенском доме, где-то между Гумбинненом и Инстербургом, и уже подхваченный водоворотом отступления, но, всё ещё находясь под впечатлением произошедших накануне событий, поражённый фон Бессер рассказал об этой психической атаке, предпринятой немцами на русские позиции.

«Русские страшно трусливы и стреляют слишком далеко, поэтому имеем большие потери перед вступлением в бой. Наши люди двинулись вперёд как Блюхер²⁰⁸, но целые ряды были сметены, так что мы вскоре потеряли 20%, т[о] е[сть] 1/5 наших людей, но столько убитых не было. 17 армейский корпус понёс бóльшие потери»²⁰⁹.

В этих словах фон Бессера слышится изумление и негодование, сквозит неприкрытое высокомерие и превосходство германской kultur над «ордами славянских варваров»²¹⁰, которые посмели противостоять германской нации. Более того, враг труслив и коварен, стреляя в немецких солдат издали, а поэтому он безнадёжно подл по своей натуре. Как раз эти интонации звучат со многих страниц дневника фон Бессера: «Русские, правда, очень хитры, но зато трусливы»²¹¹. Их «солдаты большие трусы»²¹², а «русские офицеры по большей части бегут уже в начале сражения и прячутся»²¹³.

Именно в этом и кроется ответ на причины, проведённой в Гумбинненском сражении немцами психической атаке. Неустранимость и презрение к «славянским варварам», величие «рыцарского духа» сынов

Германии, идущих колоннами на русские позиции, должны были, по мнению немцев, повергнуть в ужас «трусливые души» славян, обратить их в бегство.

Но очень скоро германское высокомерие разбилось о мужество и стойкость русского солдата, а смерть собрала кровавую жатву, скосив наступающие немецкие колонны. «Мы <...>двинулись вперёд довольно быстро и беспечно, – признался фон Бессер на страницах своего дневника, – и развернулись к бою с излишней поспешностью. Все стремились вперёд»²¹⁴. Как только наступающие немецкие колонны подошли на расстояние прямого выстрела к позициям 1-го и 2-го батальонов Юрьевского полка по ним был открыт огонь. Юрьевцев поддержали Ивангородский и Островский полки. С флангов ударили Лифляндский полк и части 27-й пехотной дивизии.

7/20 августа 1914 года. Расположение 1-й отдельной кавалерийской бригады и сводного кавалерийского корпуса хана Г. Нахичеванского. В течение дня.

В. Андреев не стал свидетелем поражения и отступления своей бригады. Капитан П.Е. Дорман²¹⁵, приехавший на машине из штаба армии, чтобы наладить на правом фланге армии по приказу П.К. Ренненкампа устойчивую связь между кавалерией и пехотой, узнав, что хан Г. Нахичеванский отказался вступить в бой, заявил генералу Н.А. Орановскому, что немедленно отправляется к хану, чтобы «побудить его от имени командующего армией быстрым движением вперед, в юго-западном направлении всех сил кавалерийского корпуса оказать решительную поддержку сражающимся войскам генералов Орановского и Смирнова»²¹⁶. Командир бригады приказал В. Андрееву следовать вместе с капитаном П.Е. Дорманом, чтобы показать короткий путь в расположение корпуса хана Г. Нахичеванского.

По словам В. Андреева они уже «к семи часам утра»²¹⁷ въехали на автомобиле в деревню Линденталь, где корнету В. Андрееву второй раз за последние сутки предстояло встретиться с ханом и во второй раз услышать от него слова отказа, ввести свой сводный кавалерийский корпус в бой, что было прямым нарушением приказа командующего армией П.К. Ренненкампа. Приказа по которому корпус должен был поддерживать кавалерию Н.А. Орановского и армейскую пехоту как раз в том месте²¹⁸, где в этот самый момент, истекая кровью, сдерживала из последних сил атаку противника 1-я сводная бригада генерала Н.А. Орановского, которая накануне сама не оказала помощи корпусу хана Г. Нахичеванского в бое при Каушене. Невозможно понять, как могло случиться невообразимое, подчинённые не исполнили приказ своего командира, совершив, таким образом, воинское преступление. Неисполнение приказа ханом Г. Нахичеванским дорого стоило 1-й армии. 1-я сводная бригада генерала

Н.А. Орановского была опрокинута наступающим противником и была вынуждена отступить, что открывало путь немцам для флангового охвата 1-й армии с севера. И только профессионализм командиров корпусов и дивизий, героизм русской пехоты, и прежде всего, командиров, офицеров и солдат III-го корпуса генерала Н.А. Епанчина, известных и безымянных, позволили разгромить 8-ю немецкую армию и стяжать русскому оружию победу под Гумбинненом. Ещё более странным и даже возмутительным является решение П.К. Ренненкампа снять после сражения со своего поста только генерала Н.А. Орановского²¹⁹, в то время как хан Г. Нахичеванский не был, не только, снят или предан суду²²⁰, но и был награждён за бой под Каушеном орденом Святого Георгия 3-й степени²²¹. Это награждение показало, что связи и положение при дворе выше воинского долга, справедливости и памяти тех павших солдат, которые стали жертвами преступного бездействия хана.

7/20 августа 1914 года. Деревня Матишкемен. Около 10 часов 30 минут утра. Расположение 106-го пехотного Уфимского полка.

В полосе фронта 106-го Уфимского пехотного полка шёл тяжёлый кровопролитный бой. Как и на участке 98-го Юрьевского полка немецкие части (здесь XVII-й корпус) начали психическую атаку на русские позиции, двинув «свои войска сомкнутым строем, непрерывными колоннами, причём развивались знамена, и играла музыка!! Их артиллерия в это время развила ураганный огонь»²²². Но части 27-й дивизии не дрогнули и не поддались панике, встретив наступающие немецкие колонны разящим артиллерийским, пулемётным и ружейным огнём. Немецкие колонны не выдержав, осеклись и залегли.

Несмотря на значительные потери уже понесённые в ходе боя, генерал А. Макензен ещё дважды, в полдень и в два часа дня, отдавал приказ своим войскам атаковать сомкнутыми колоннами позиции Уфимского и других полков 27-й пехотной дивизии. Атака, проведённая в полдень, захлебнулась. В два часа дня бой закипел с новой силой. Немецкие колонны, поддерживаемые артиллерией, с упорством и остервенением шли вперёд, стараясь подавить своим моральным превосходством и силой духа русского солдата, и развить временный успех, достигнутый немецкими войсками в полосе соседней 25-й пехотной дивизии. Для Уфимского полка наступил критический момент боя, когда решался вопрос «кто кого?». «Передние немецкие линии были уже шагах в 700-х и ближе... Некоторые наши роты стреляли уже с постоянным прицелом. Казалось, бой дошёл до своего высшего напряжения!... Сердце дрожало; кто устоит? А ум подсказывал, кто первый начнет отступать – тот погиб!...»²²³.

7/20 августа 1914 года. Бой у деревень Сциргуненен и Вердельн.

В пылу сражения солдаты 1-го батальона подполковника Д.Н. Постникова уже почти различали лица наступающих немецких солдат и видели, как от прицельного пулемётного и ружейного огня их батальона падали поражаемые враги, среди которых были и солдаты 33-го эрзац-батальона капитана фон Бессера. «Пехота начинает нас обстреливать. У нас некоторая убыль», – написал об этих мгновеньях боя в своём дневнике фон Бессер. – «Пули свистят и жужжат»²²⁴.

Но немцы продолжали идти в атаку густыми цепями, всё глубже и глубже втягиваясь в «мешок». Фланги германского наступающего клина оголились, и в это мгновение боя на немцев обрушился ливень огня из свинца и стали. Их начала обстреливать с трёх сторон, в том числе с флангов, русская артиллерия: две батареи 25-й артиллерийской бригады с севера и две батареи 27-й артиллерийской бригады с юга²²⁵. Капитан фон Бессер посчитал, что по ним ошибочно открыла огонь собственная артиллерия. «При дальнейшем наступлении мы попали под страшный огонь с обоих флангов нашей собственной артиллерии, в том числе и тяжёлой артиллерии, спереди стреляли русские, мы прямо-таки находились в чёртовом котле»²²⁶. Но, несмотря ни на шквальный ружейный и пулемётный огонь, ни на смертоносную стену рвущихся снарядов, немцы, втянутые в огненный водоворот битвы, с ожесточением шли вперёд на русские позиции. Бой достиг наивысшей степени напряжения. Яростные атаки немцев сменялись неустрашимыми контратаками частей 25-й пехотной дивизии, которые местами перерастали в рукопашный бой²²⁷. Линии обороны и ключевые рубежи по несколько раз переходили из рук в руки. 33-й эрзац-батальон, по словам фон Бессера, трижды брал «русские позиции»²²⁸ и трижды их пришлось оставлять.

Одну из таких контратак части 25-й пехотной дивизии предприняли около часа дня.

7/20 августа 1914 года. Между деревнями Садвейчен – Сциргуненен и Вердельн. Около 13 часов.

Командир 1-го батальона Д.Н. Постников получил приказ командира полка перейти в наступление.

«Подполковнику Постникову
1914. 7 августа 12 час[ов] 55 мин[ут] у[тра].

№61

Насколько возможно переходите в наступление, вся наша дивизия перешла в наступление. Держите связь с соседними частями.

Полковник Желтышев»²²⁹.

Но эта контратака была отбита немцами. «Роты двинулись вперёд, – записано в Журнале военных действий 98-го Юрьевского полка, – но были

встречены сильным огнём со стороны Вердельна – очевидно, противник, воспользовавшись нашим отходом, занял оставленные наши позиции»²³⁰. Полк отступил. Но и немцы не получили решающего преимущества. «Успех боя, – написал об этом моменте противостояния фон Бессер, – склоняется то в одну, то в другую сторону, нам часто приходится отступать, а затем снова наступаем»²³¹.

7/20 августа 1914 года. Между расположением 1-й отдельной кавалерийской бригады и штабом армии. В течение дня.

Покинув расположение корпуса хана Г. Нахичеванского, В. Андреев и капитан П.Е. Дорман решили ехать в штаб XX-го корпуса в Каттенау²³², надеясь получить помощь там. «Дорогой, – вспоминал В. Андреев, – мы возмущались как тем, что Хан Нахичеванский не исполнил ни одной из задач, возложенных последним приказом командующего армией на конницу, так и тем, что он не исполнил простого солдатского долга взаимной выручки»²³³.

В это время штабной автомобиль мчался практически вдоль линии фронта. «Наша машина летела под шрапнельным огнём», – вспоминал В. Андреев. – «Бог нас хранил. Справа и слева оглушительно взрывались <...> немецкие тяжёлые снаряды»²³⁴. Дорога петляла. Очередной раз повернув машина выскочила за поворот дороги, и тут неожиданно для себя В. Андреев и П.Е. Дорман увидели, как по обширному полю им навстречу, бросив свои позиции, не разбирая дороги, неслись во весь опор кавалеристы 1-й бригады Н.А. Орановского. Сначала это были только небольшие группы потерявших самообладание людей, потом – целые эскадроны, которых охватила паника. Не потеряв присутствие духа, капитан П.Е. Дорман приказал шофёру направить автомобиль в самую гущу несшихся в бешеной скачке кавалеристов. Врезавшись в неё, он «невозмутимым спокойствием, строгим жестом и сильным словом остановил»²³⁵ отступавших. В этот критический момент от капитана П.Е. Дормана исходила такая душевная сила, что его слова и действия отрезвили ошалевших от скачки и страха кавалеристов. Они «успокоились, пришли в себя и даже сконфузились», – вспоминал В. Андреев. – «Капитан вернул им присутствие духа и внушил спокойную стойкость»²³⁶.

Собрав четыре эскадрона и восстановив дисциплину, капитан П.Е. Дорман отправил их сдерживать наступление рвавшихся вперёд немцев, «превратив беспорядочное бегство в стойкую оборону»²³⁷. «Неутомимая энергия и спокойная храбрость капитана П.Е. Дормана, – по словам В. Андреева, – спасли наш правый фланг от немецкого окружения, а всю нашу армию от потери прямой связи с важнейшим коммуникационным путём и от грозной опасности быть отрезанными от единственной нашей железной дороги»²³⁸.

В Каттенау, в штабе XX-го корпуса царило напряжённое настроение. Лишних резервов не было, и отчаянно сражавшейся под Спуленом 1-й сводной кавалерийской бригаде нечем было помочь. Последняя надежда оставалась на штаб армии, где, по словам капитана П.Е. Дормана, можно было взять батарею. Добравшись уже во второй половине дня до Вержболово, где находился штаб 1-й армии, они направились к командующему. В. Андреев видел, как докладывал командующему армии капитан П.Е. Дорман, и как П.К. Ренненкампф «внимательно слушал <...>своего офицера о бездействии Хана Нахичеванского»²³⁹. В штаб-квартире армии В. Андреев узнал, что помощь бригаде Н.А. Орановского уже не потребуется, она была разбита и отступила назад более чем на 30 вёрст к Шилленену²⁴⁰. Это был тот самый Шилленен, в который утром 4/17 августа в приподнятом настроении духа вместе со своим полком вступил В. Андреев только что, перейдя русско-германскую границу, а теперь спустя три дня, 7/20 августа бригада Н.А. Орановского вернулась сюда разгромленной.

Поражение настолько сильно дезорганизовало управление бригадой, что на несколько дней её командование вообще потеряло связь со штабом армии²⁴¹. А немецкая кавалерия, развивая наступление, заняла Пиллкален. Так в поисках помощи закончился день Гумбинненского сражения для корнета 19-го Архангелогородского драгунского полка В. Андреева.

7/20 августа 1914 года деревня Матишкемен. Около 15 часов. Участок фронта в полосе обороны 106-го пехотного Уфимского полка.

До трёх часов дня, несмотря на все массированные и яростные атаки частей XVII-го германского корпуса, противнику так и не удалось ни заставить отступить стоявших насмерть солдат и офицеров 106-го Уфимского полка, ни прорвать линию его обороны. К этому времени на всём участке противоборства III-го армейского корпуса с наступающими немецкими дивизиями наступил перелом: германские резервы были истощены, немецкая атакующая мощь стала выдыхаться, а достигнутый в ходе яростной фронтовой атаки на позиции III-го русского армейского корпуса результат оказался минимальным. Германским частям не удалось разгромить русские дивизии, более того, они понесли непропорционально большие потери по сравнению с достигнутыми успехами²⁴².

В четвёртом часу дня немцы, не устояв под разящим огнём частей 27-й пехотной дивизии, начали отходить по всему фронту, сначала медленно, под прикрытием своей артиллерии, но вскоре «с развитием, – как написал в своих воспоминаниях А.А. Успенский, – нашего ураганного огня артиллерии, пулемётов и пехоты, это отступление перешло в панику и местами, – целыми частями, – в бегство! С наших наблюдательных пунктов можно было видеть потрясающую картину, как от нашего огня целыми

рядами падали, словно подкошенные, бегущие вдоль шоссе и канав при нём немцы! Как бежали они в беспорядке, бросая по дороге своё оружие»²⁴³.

7/20 августа 1914 года. Между деревнями Садвейчен – Сциргупенен и Вердельн. Около 14 часов. Расположение 33-го эрзац-батальона.

Всё ещё думая, что их обстреливает собственная артиллерия, фон Бессер приказал размахивать «чёрно-бело-красным флагом»²⁴⁴, стараясь обратить на себя внимание»²⁴⁵, но всё было бесполезно, русская артиллерия продолжала «вспахивать» «мешок» и утюжить немецкие цепи²⁴⁶. Где-то в этом кромешном аду боя 1-й батальон 98-го Юрьевского полка под командованием подполковника Д.Н. Постникова и 33-й эрзац-батальон капитана фон Бессера осыпали друг друга смертельным свинцом, стреляли, убивали, ранили и калечили всё приближающихся врагов, так никогда и не узнав, кто был их враг.

В какой-то момент немецкие цепи не выдержали убийственного огня и залегли²⁴⁷, занимая окопы и оборонительные рубежи, оставленные русскими частями в деревнях Сциргупенен и Вердельн. В 14 часов 45 минут 1-й и 2-й батальоны Юрьевского полка, получив подкрепление в составе 15-й и 16-й рот, перешли в решающее наступление на позиции, сильно потрёпанной в ходе боя, дивизии Ф. Бродрюка. Теперь уже 33-й эрзац-батальон фон Бессера и другие немецкие части, поддержанные артиллерией, открыли по надвигающимся русским батальонам шквальный артиллерийский, пулемётный и ружейный огонь. Но солдаты и офицеры полка не отступили и не залегли, а под прикрытием пулемётов ворвались в занятые противником разрушенные и пылающие деревни Сциргупенен и Вердельн²⁴⁸.

Стоит только представить себя сидящим, скрючившимся, в неглубоком, наспех вырытом окопе, с уткнувшимся в землю лицом, ощущая её влажную свежесть и содрогание от разрывов снарядов. Понимая, что сейчас тебе придётся сделать невероятное, противное твоему природному существу, твоей потаённой силе самосохранения: преодолевая ужас, всей тяжестью вдавливающего тебя в дно неглубокого окопа, попирая смерть или отстраняясь от жизни, встать и пойти в атаку, не зная, останешься ли живым через мгновение, и невозможно подумать об этом. Поэтому-то и приходится удивляться и восхищаться мужеством этих людей, которые в тот августовский день 1914 года на поле битвы под Гумбинненом, невзирая на страх, перебороли себя, поднялись из своих укрытий и пошли в атаку, подставляя свою грудь навстречу смертельно разящему расплавленному свинцу и огненному металлу. Поэтому атака и есть одно из самых страшных дел на войне. И солдаты 98-го Юрьевского полка сделали этот шаг, и немцы, не выдержав натиска русской пехоты, начали отступать.

Противник ещё пытался отойти, сохраняя порядок, но находясь в зоне прямой видимости и поражаемый огнём батальонов Юрьевского полка, обратился, как и в полосе фронта Уфимского полка, в паническое бегство. Боевой дух немцев, которым они так кичились перед славянскими «варварами» в начале сражения, надвигаясь на русские позиции ровными колоннами, был сломлен, а их высокомерие превратилось в прах.

«В конце все отступают в окончательном беспорядке»²⁴⁹, – с горьким разочарованием записал после боя в своём дневнике подавленный фон Бессер. «У рва я старюсь задержать отступающих и сам обращаюсь к неприятелю»²⁵⁰, – с внутренним содроганием и ужасом, об этом мгновении вдруг остановившейся его жизни, вспоминал капитан. Фон Бессер оглянулся назад чтобы, наверное, убедиться, близко ли за его спиной оказалась смерть. Но её не было рядом. И он написал: «Неприятель за нами не идёт. Все отступаем, и снова занимаем прежние окопы перед лесом»²⁵¹. Именно этот момент отступления немцев, описанный в дневнике фон Бессером, и увидел перед своим участком фронта командир 1-го батальона 98-го Юрьевского полка Д.Н. Постников. В тот день, день Гумбинненского сражения, 1-й батальон подполковника Д.Н. Постникова и 33-й эрзац-батальон капитана фон Бессера второй раз встретились в жестокой схватке на поле боя, взглянув друг другу в лицо, в лицо своего врага.

Но бой на участке соприкосновения 25-й пехотной дивизии и дивизии Ф. Бродрюка ещё не завершился. Перегруппировавшись, 98-й Юрьевский полк продолжил наступление. Немцы уже не помышляли об активной обороне, так как их части, по словам фон Бессера, «пришли в большой беспорядок»²⁵², и вскоре они получили приказ отойти и «занять прежние позиции»²⁵³ у самого Гумбиннена. К 8 часам вечера Юрьевский полк, преследуя отступающие немецкие соединения, занял деревню Гросс Байтшен²⁵⁴, после чего полк получил приказ²⁵⁵ командира 1-й бригады 25-й пехотной дивизии генерал-майора Г.Г. Джонсона далее не преследовать противника, провожать его только огнём и закрепиться на занятых рубежах²⁵⁶. Напротив деревни Гросс Байтшен, не далее, чем в двух километрах на запад, около деревни Садвейчен укрепился 33-й эрзац-батальон фон Бессера. Только эти два совсем коротких для войны километра и спустившаяся тьма наступающей августовской ночи и разъединили в тот вечер этих людей: русских и немцев, которые целый день убивали и стремились убить как можно больше врагов.

К половине девятого вечера бой на этом участке фронта окончательно стих.

К вечеру 7/20 августа Гумбинненское сражение завершилось победой русского оружия. Значение того, что совершили солдаты Отечества, участвовавшие в сражении, ещё только предстояло оценить, но в те мгновения победы всем было понятно, что в этот день немецкая решимость была стёрта в порошок русской самоотверженностью. А пока у тех, кто

выжил в этой страшной битве, было осознание и радость только от одного, что он остался жив. Именно так об этом чувстве и написал А.А. Успенский в своих воспоминаниях: «Родовались победе генералы, командиры полков и офицеры; родовались не менее и солдаты, как только смерть перестала смотреть в очи»²⁵⁷.

В ходе Гумбинненского сражения в 98-м пехотном Юрьевском полку было убито 2 офицера и 20 солдат. «Ранено и без вести пропавшими 193 ч[еловека]. Итого выбыло из строя за 7 августа 213 ниж[них] чинов»²⁵⁸, – доносил командир полка В.А. Желтышев командиру бригады генерал-майору Г.Г. Джонсону. 106-й пехотный Уфимский полк потерял убитыми и ранеными 8 офицеров и 208 нижних чинов²⁵⁹.

В 33-м эрзац-батальоне потери были более значительными. По расписанию военного времени батальон состоял из трёх рот по 220 человек в каждой²⁶⁰. «В каждой роте (было убито или ранено – *Н.П.*) 38-46 человек, т[о] е[сть] 20%»²⁶¹, – отметил после сражения фон Бессер.

В бою под Гумбинненом среди прочих был убит и офицер запаса 33-го эрзац-батальона лейтенант Симон. «Очень печально, – записал в дневник после сражения фон Бессер, – так как он лишь два дня тому назад женился»²⁶². Другой знакомец фон Бессера лейтенант Фишер остался жив и после сражения даже заказал ужин из Гумбиннена²⁶³. Война, как неотвратимый механизм смерти, на этот раз пощадила Фишера, как и много сотен и тысяч других солдат и офицеров, русских и немцев, оставшихся в живых после битвы, но никто из них не знал и не мог знать, сколько ещё времени, тревожных дней и ночей отпустила им война, будет ли он убит или выживет в этой набиравшей свою мощь страшной бойне, жерновами перемалывавшей судьбы миллионов людей, в том числе и их, которые 7/20 августа 1914 года в Гумбинненском сражении противостояли друг другу.

Одними из тех многих солдат, судьбы которых пересеклись на поле битвы под Гумбинненом и, навеки сплетённые, оказались навсегда связаны с этим местом, были павшие в битве русский капитан Д.Т. Трипецкий и немецкий лейтенант Симон, вместе с которыми погибли их чаяния и мечты, их чувства и мысли, жёны остались вдовами, а дети капитана Д.Т. Трипецкого сиротами.

Август 1914 года. Вильно.

После Гумбинненского сражения много раненых было отправлено из прифронтовых лазаретов вглубь страны. «В Вильно уже увидели кровь, – сообщал в своём письме неизвестный Владимир из Варшавы в Петроград к некто В.В. Дороговой, – целый поезд раненых в стычке с немцами 7-го августа»²⁶⁴.

Ковно. Лазарет Николаевской общины.

Лазарет в Ковно принимал раненых с фронта 1-й армии, в том числе и тех, кого видел неизвестный Владимир на станции в Вильно. Многие из них были тяжелораненые и лежали в лазарете по несколько месяцев, одни шли на поправку, другие были безнадежны. Н.В. Плевацкая, часто разговаривала с ранеными стараясь утешить их, помочь своим участием. Впечатлительная от природы она глубоко переживала человеческие трагедии, разворачивающиеся на её глазах.

«— Сестрица, у меня завтра Престольный праздник..., – шептал тяжелораненый. – На будущий год, Бог даст, отпраздную...»

А я знала, что дни его сочтены и никогда он не увидит родного угла.

Чтобы порадовать его, я приносила ему из церкви просфору, убирала кровать <...>ветвями, покупала вина, фрукты и устраивала для всей палаты Престольный праздник.

Я им пела для праздника.

– И откуда, ты, сестрица, наши песни знаешь? – Удивлялись они. – Неужто сама деревенская? На мой положительный ответ я получала предложения: один говорил, что у него богатый дом, двенадцать десятин земли, сад ...и если бы Бог ему послал такую «жану», то была бы не жизнь, а рай.

Другой объявился ещё богаче: у него пасека. И, в конце концов, я всей палате по жребию обещала выйти замуж, а до того, все они мои женихи, только бы выздоравливали скорее»²⁶⁵.

Значение Гумбинненского сражения для всего хода Первой мировой войны трудно переоценить. Победа на полях под Гумбинненом русского оружия сорвала план молниеносной войны германского Генерального штаба, что явилось важнейшим военно-стратегическим итогом битвы. Поражение немецких войск у Гумбиннена так напугало германское командование угрозой потери Восточной Пруссии и даже больше, возможностью развала всего Восточного фронта²⁶⁶, что оно было вынуждено в самый разгар битвы на Марне, в которой, по сути, решалась судьба Франции, перебросить на русско-германский фронт два армейских корпуса и одну кавалерийскую дивизию, которых и не хватило немцам для победы на Марне. Франция была спасена. «Всем нам отлично известно, – подчеркнул важность этих событий участник Первой мировой войны французский генерал А. Ниссель, – насколько критическим было тогда (во время битвы на Марне) наше положение. Несомненно, что уменьшение германской армии на 2 корпуса и 2 дивизии²⁶⁷, к чему немцы были принуждены, явилось той тяжестью, которая по воле судьбы склонила чашу весов на нашу сторону»²⁶⁸. Генерал Ф. Фош, командующий 9-й французской армией в битве на Марне, а с 1918 года Верховный главнокомандующий

Научное издание

Постников Николай Дмитриевич

1-Я АРМИЯ РЕННЕНКАМПФА: БИТВА ЗА ВОСТОЧНУЮ ПРУССИЮ

Корректурa авторская

Подписано в печать: 20.04.2018 г.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Печать офсетная. Формат бумаги 60×84/16.

Усл. п. л. 11,25, уч.-изд. л. 10.

Тираж 500 экз. (1-й з-д 1–25). Заказ № 21/Е.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Информационно-издательском управлении МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А,
(495) 780-09-42 (доб. 1740), iiu@mgou.ru